

1. [CRIME AND PUNISHMENT](#)
2. [THE IDIOT](#)
3. [THE HOUSE OF DEAD](#)
4. [THE BROTHERS KARAMAZOV](#)
5. [LETTERS OF NOTE](#)

1. **CRIME AND PUNISHMENT**

'Oh, so that's not the right formula, the aesthetically correct formula! But I don't begin to understand: why is the formula more respectable if you chuck bombs at people in a regular siege? Fear of aesthetics is the first sign of weakness! I've never, ever seen all this more clearly than now; less than ever do I understand what my crime was! Never, never have I been stronger or more convinced than I am now!

(Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. *Crime and Punishment*. Transl. Nicolas Pasternak Slater. Oxford, University Press, 2017. p. 460)

Original version

А! не та форма, не так эстетически хорошая форма! Ну я решительно не понимаю: почему лупить в людей бомбами, правильною осадой, более почтенная форма? *Боязнь эстетики* есть первый признак бессилия!.. Никогда, никогда яснее не сознавала этого, как теперь, и более чем когданибудь не понимаю моего преступления! Никогда, никогда не был я сильнее и убежденнее, чем теперь!

(Фёдор Миха́йлович Достоёвский. *Преступление и наказание*. М[осква], Олма-пресс, 2006 [1866]. p. 482-483).

2. **THE IDIOT**

"[...] when you asked me for a subject for a picture, to give you this subject: to portray the face of a condemned man a minute before the stroke of the guillotine, when he's still standing on the scaffold, before he lies down on the plank ."

"What? Just the face?" asked Adelaida. "That would be a strange subject, and what sort of picture would it make?"

"I don't know, why not?" the prince insisted warmly. "I recently saw a picture like that in Base!" I'd like very much to tell you... Someday I'll tell you about it... it struck me greatly."

"Be sure to tell us about the Basel picture later", said Adelaida, "but now explain to me about the picture of this execution. Can you say how you imagine it yourself? How should the face be portrayed? As just a face? What sort of face?"

"It was exactly one minute before his death," the prince began with perfect readiness, carried away by his recollection, and apparently forgetting at once

about everything else, “the very moment when he had climbed the little stairway and just stepped onto the scaffold. He glanced in my direction; I looked at his face and understood everything...

(Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. *The Idiot*. Transl. Richard Pevear & Larissa Volokhonsky) New York, vintage Classics, 2003, p. 63-64)

Original version

... действительно у меня мысль была, когда вы у меня сюжет для картины спрашивали, дать вам сюжет: нарисовать лицо приговоренного за минуту до удара гильотины, когда еще он на эшафоте стоит, пред тем как ложиться на эту доску.

— Как лицо? Одно лицо? — спросила Аделаида — Странный будет сюжет, и какая же тут картина?

— Не знаю, почему же? — с жаром настаивал князь. — Я в Базеле недавно одну такую картину видел. Мне очень хочется вам рассказать. Я когда-нибудь расскажу — очень меня поразила.

— О базельской картине вы непременно расскажете после, — сказала Аделаида, — а теперь растолкуйте мне картину из этой казни. Можете передать так, как вы это себе представляете? Как же это лицо нарисовать? Так, одно лицо? Какое же это лицо?

— Это ровно за минуту до смерти, — с полной готовностью начал князь, увлекаясь воспоминанием и, по-видимому, тотчас же забыв о всем остальном, — тот самый момент, когда он поднялся на лесенку и только что ступил на эшафот. Тут он взглянул в мою сторону; я поглядел на его лицо и всё понял...

(Федор Михайлович Достоевский. *Идиот*. Часть первая, V. 1867-1869. p. 141-142)

3. THE HOUSE OF DEAD

When it grew dark, all of us would be led back to the barracks, where we'd be locked up for the whole night. I always found it painful to return to our barrack from the courtyard. It was a long, low, airless room, dimly lit by tallow candles and with a heavy, suffocating smell. I don't understand now how I managed to live in it for ten years. I had three boards of the common plank bed to sleep on; that was the only place that was my own. In our room alone about thirty men were accommodated on this plank bed. In the winter the room was locked up early: it took some four hours before everyone was asleep. Until then there was noise, uproar, laughter, cursing, the sound of chains, fumes and soot, shaven heads, branded faces, ragged clothes: everything was defiled and degraded... but man is a survivor! Man is a being who becomes accustomed to everything, and that, I think, is the best definition of him.

(Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. *Notes from the House of the Dead*. Chapt. I. "The house of the dead". Transl. Boris Jakim. Gran Rapids, Michigan / Cambridge, UK., 201, p. 10)

Original version

Мертвый дом

Когда смеркалось, нас всех вводили в казармы, где и запирали всю ночь. Мне всегда было тяжело возвращаться со двора в нашу казарму. Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освещенная сальными свечами, с тяжелым, удушающим запахом. Не понимаю теперь, как я выжил в ней десять лет. На нарах у меня было три доски: это было все мое место. На этих же нарах размещалось в одной нашей комнате человек тридцать народу. Зимой запирали рано; часа четыре надо было ждать, пока все засыпали. А до того — шум, гам, хохот, ругательства, звук цепей, чад и копоть, бритые головы, клейменные лица, лоскутные платья, все — обруганное, ошельмованное... да, живуч человек! Человек есть существо ко всему привыкающее, и, думаю, это самое лучшее его определение.

(Федор Михайлович Достоевский. "мертвый дом". *Записки из мертвого дома*. Москва, Издательство Проспект, 2013 [1860-61])

4. THE BROTHERS KARAMAZOV

But still tell me [Ivan]: is there a God or not? But seriously. I want to be serious now.

"No, there is no God."

"Alyoshka, is there a God?"

"There is."

"And is there immortality, Ivan? At least some kind, at least a little, a teeny-tiny one?"

"There is no immortality either."

"Not of any kind?"

"Not of any kind."

"Complete zero? Or is there something? Maybe there's some kind of something? At least not nothing!"

"Complete zero."

"Alyoshka, is there immortality?"

"There is."

"Both God and immortality?"

"Both God and immortality. Immortality is in God.

"Hm. More likely Ivan is right. Lord, just think how much faith, how much energy of all kinds man has spent on this dream, and for so many thousands of years! Who could be laughing at man like that? Ivan? For the last time, definitely: is there a God or not? It's the last time I'll ask."

"For the last time—no.

“Then who is laughing at mankind, Ivan?”

“Must be the devil,” Ivan smirked.

“And is there a devil?”

“No, there is no devil, either.”

“Too bad. Devil knows, then, what I wouldn't do to the man who first invented God! Hanging from the bitter aspen tree would be too good for him.”

“There would be no civilization at all if God had not been invented.”

(Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. *The Brothers Karamazov*. Transl. Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York, Farrar, Straus and Giroux, 1990. p. 134)

Original version

А все-таки говори [Иван]: есть бог или нет? Только серьезно! Мне надо теперь серьезно.

— Нет, нету Бога.

— Алешка, есть Бог?

— Есть Бог.

— Иван, а бессмертие есть, ну так какое-нибудь, ну хоть маленькое, малюсенькое?

— Нет и бессмертия.

— Никакого?

— Никакого.

— То есть совершеннейший нуль или нечто? Может быть, нечто какое-нибудь есть? Все же ведь не ничто!

— Совершенный нуль.

— Алешка, есть бессмертие?

— Есть.

— А Бог и бессмертие?

— И Бог, и бессмертие. В Боге и бессмертие.

— Гм. Вероятнее, что прав Иван. Господи, подумать только о том, сколько отдал человек веры, сколько всяких сил даром на эту мечту, и это столько уж тысяч лет! Кто же это так смеется над человеком? Иван? В последний раз и решительно: есть Бог или нет? Я в последний раз!

— И в последний раз нет.

— Кто же смеется над людьми, Иван?

— Черт, должно быть, — усмехнулся Иван Федорович.

— А черт есть?

— Нет, и черта нет.

— Жаль. Черт возьми, что б я после того сделал с тем, кто первый выдумал Бога! Повесить его мало на горькой осине.

— Цивилизации бы тогда совсем не было, если бы не выдумали Бога.

(Федор Михайлович Достоевский. *Братья Карамазовы*. Том 1. Харьков, DirectMEDIA / фолио, 2012 [1879-1880]. p. 141-142)

5. LETTERS OF NOTE

Mihail Mihajlovic Dostoevski,
Nevsky Prospect, opposite Gryazny Street,
in the house of Neslind

To-day, the 22nd of December, we were taken to the Semionov Drill Ground. There the sentence of death was read to all of us, we were told to kiss the cross, our swords were broken over our heads, and our last toilet was made (white shirts). Then three were tied to the pillar for execution. I was the sixth. Three at a time were called out; consequently, I was in the second batch and no more than a minute was left me to live. I remembered you, brother, and all yours; during the last minute you, you alone, were in my mind, only then I realised how I love you, dear brother mind! I also managed to embrace Plescheyev and Durov who stood close to me and to say good-bye to them. Finally the retreat was sounded, and those tied to the pillar were led back, and it was announced to us that His Imperial Majesty granted us our lives. Then followed the present sentences.

(Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. *Letters of Note: Volume 1: An Eclectic Collection of Correspondence Deserving of a Wider Audience*. Compiled by Shaun Usher. Letter . 058. The Peter and Paul Fortress, December 22, 1849. San Francisco, Chronicle Books, 2014. p. 162)

Original version

Достоевский в процессе петрашевцев

«Сегодня 22 декабря нас отвезли на Семеновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к Кресту, переломили над головою шпаги и устроили наш предсмертный туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. Я стоял шестым, вызывали по трое, следовательно, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты. Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; в последнюю минуту ты, только один ты, был в уме моем, я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый! Я успел тоже обнять Плешеева, Дурова, которые были возле и проститься с ними. Наконец ударили отбой, привязанных к столбу привели назад, и нам прочли, что его императорское величество дарует нам жизнь. Затем последовали настоящие приговоры».

(Ф. М. Достоевский. *Письма. 1832-1849 гг.* М.М. Достоевскому 22 декабря 1849. Петербург. Петропавловская крепость 22 декабря. DirectMEDIA, 1926. p. 3169 [1849])